Vestnik drevney istorii
81/2 (2021), 408–422
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/2 (2021), 408–422
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910014831-7

БЫЛ ЛИ СОЛДАТОМ АВРЕЛИЙ ВИАТОР?

Д. А. Костромичев

Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, Россия

E-mail: akfill@list.ru

В статье рассмотрены три надгробия из раскопок Херсонеса в Таврике. Два из них сохранили имена погребенных: Аврелий Виатор и Сабин, – третье – безымянное. На памятниках вырезаны портреты погребенных. Надгробия объединяет наличие птиц в руках у изображенных. Судя по многочисленным аналогиям, птицы являлись обычным атрибутом детских погребальных портретов в античности. Птицы стали символическим указанием на детский возраст, так как являлись распространенными домашними животными. Содержание и забота о домашних питомцах были важной составной частью воспитания и любимым занятием детей в эпоху Римской империи.

Ключевые слова: Херсонес в Таврике, надгробие, Аврелий Виатор, Сабин, портрет, дети, птицы, солдатская одежда, повседневная жизнь

WAS AURELIUS VIATOR A SOLDIER?

Daniil A. Kostromichev

The State Museum-Preserve «Tauric Chersonese», Sevastopol, Russia

E-mail: akfill@list.ru

The article is devoted to three tombstones from the excavations of Chersonesus in Taurica. Two gravestones preserved the names of the buried persons: Aurelius Viator and Sabinus; the third is nameless. The portraits of the buried are carved on the monuments. Each of them

---

Данные об авторе. Даниил Александрович Костромичев – кандидат исторических наук, заведующий сектором отдела городище и некрополь ГМЗХТ.

Статья является расширенной и доработанной версией доклада, прочитанного на конференции «Уваровские Таврические чтения “Древности Юга России”»: Kostromichev 2016. Ценные замечания, позволившие улучшить данную работу, принадлежат А.А. Волошинову и В.В. Масякину, которым я приношу свою благодарность.

holds a bird in his hands. Judging by numerous analogies, birds were a common attribute of children's funeral portraits in antiquity and became a symbolic indication of childhood, as they were common pets. Keeping and caring for pets was an important part of education and a favorite pastime for children in the Roman Empire.

Keywords: Chersonesus in Tauris, tombstone, Aurelius Viator, Sabinus, portrait, children, birds, soldier's clothes, everyday life

В 1892 г. в ходе раскопок южного участка некрополя Херсонеса в Таврике была обнаружена мраморная погребальная стела с латинской эпитафией и полностью сохранившимся изображением умершего (рис. 1, *1*). Стела была вторично использована в качестве одного из камней обкладки детской могилы (№ 77), которая к моменту раскопок оказалась разграбленной[1]. В настоящее время памятник хранится в коллекции Государственного исторического музея[2]. Стела неоднократно публиковалась с составлением описаний изображения, переводами и комментариями текста[3]. Датировка памятника определяется в пределах III в.н.э.[4]

В верхней части стелы в эдикуле в полный рост фронтально изображен погребенный. Он одет в короткую тунику, сверху накинут скрепленный фибулой плащ, на голове остроконечная шапочка, в руках держит птицу и плод. Ниже фигуры, в нише и на рамке, высечена латинская эпитафия. Полностью сохранились первые четыре строки надписи[5]: D(is) M(anibus)./ Filio suo titu/ lum posuit/ Aurel(io) Viatori/ [---] – «Богам Манам. Сыну своему Аврелию Виатору поставил надгробную надпись...»

Окончание текста не сохранилось. В.В. Латышев полагал, что надпись посвятил Аврелий Виатор, а имя сына не упоминалось[6]. Э.И. Соломоник установила, что имя Аврелия Виатора в надписи приводится в дательном падеже. Именно Аврелию Виатору отец посвятил надгробие[7]. Это наблюдение означает тождество имени и персоны, изображенной на надгробии. Чтение Соломоник в дальнейшем не оспаривалось.

Несмотря на ясность текста и полноту изображения, единодушное понимание памятника по-прежнему отсутствует. Исследователи разделились в вопросе социальной принадлежности погребенного. Возникло два мнения, сторонники каждого из которых опирались либо на текст надписи, либо на иконографию изображения. У обеих версий имеется несколько сторонников. Эпиграфисты, отталкиваясь от текста, считали, что Аврелий Виатор являлся сыном римского солдата, но сам солдатом не был[8]. Искусствоведы, исходя из характера рельефа, полагали,

---

[1] Kosciuszko-Walużynicz 1894, 102, рис. 60.

[2] Zhuravlev 1997, 199, рис. 5, *1*.

[3] Latyshev 1895, 16, 17, № 15; *IOSPE* I^2, 566; Solomonik 1983, 67, 68, № 42; Zhuravlev 2002, 90, № 379.

[4] Latyshev 1895, 16; Solomonik 1983, 68.

[5] Чтение и перевод приводятся по Solomonik 1983, 67, 68, № 42.

[6] Latyshev 1895, 16.

[7] Solomonik 1983, 68.

[8] Solomonik 1983, 67–68, № 42; Zubar' 1994, 90.

что изображенный на надгробии человек носил военную одежду и усы и потому должен считаться солдатом[9]. Оба этих мнения в каждом случае формулировались лишь тезисно и не подкреплялись развернутыми доказательствами. Очевидно, что истинной может быть лишь одна из этих версий. Для ответа на вопрос, был ли солдатом Аврелий Виатор, нужно подробнее разобрать аргументы за и против, а также обратить внимание на детали, которые ранее не использовались для разрешения проблемы.

Сторонников солдатского статуса погребенного убеждает в правоте весь внешний облик персонажа. Одежда Аврелия Виатора действительно напоминает солдатскую. Каждый из трех изображенных элементов – туника, плащ и сандалии входят в перечень обычной одежды римского военнослужащего[10]. Однако солдатская туника и плащ сами по себе никак не отличались от одежды зажиточных граждан[11]. В римской армии не существовало униформы в современном понимании. Визуальная идентификация солдат определялась наличием военного снаряжения[12]. На дошедших до нас изобразительных памятниках первых веков н.э. в случае отсутствия изображения оружия единственными признаками того, что перед нами солдат, являются наличие воинского пояса и воинских сандалий.

Подтверждение такому положению вещей можно отыскать в письменных источниках. Петроний (*Satir.* 82) описывает примечательное приключение Энколпия, который задумал, переодевшись солдатом, осуществить месть. Для этого ревнивец надел пояс и меч, но по дороге был разоблачен из-за греческих сандалий на ногах. Римская военная открытая обувь (caligae) представляла собой род сандалий, отличительной чертой которых была плотная подошва, подбитая большим количеством железных гвоздей[13]. Автором надгробия Аврелия Виатора было уделено значительное внимание изображению обуви. Показаны ремни, охватывающие подъем стопы и голеностоп. Виден продольный шнурок, стягивающий ремни от подошвы. Обращает на себя внимание толстая подошва. Но приходится констатировать, что, вне зависимости от замысла скульптора показать военную или гражданскую обувь, на рельефе не видно основной отличительной детали – железных гвоздей на подошве[14]. Еще одним препятствием для отождествления сандалий Аврелия Виатора с военными калигами является тот факт, что ко времени его жизни калиги выходят из употребления. Археологические данные свидетельствуют о прекращении использования тяжелых военных сандалий в первой четверти II в. н.э.[15] С этого времени в римской армии в обиходе остаются только calcei – обувь, полностью закрывавшая пятку, ступню и пальцы ног.

---

[9] Maksimova, Nalivkina 1955, 319–320, рис. 36; Ivanova *et al.* 1976, 126, № 391; Chubova *et al.* 2008, 121; Doroshko 2012, 111.

[10] Speidel 2012, 8, 9; Paetz gen. Schieck 2012, 93–95.

[11] Sander 1963, 148; Hoss 2012, 29.

[12] Bishop, Coulston 1993, 196.

[13] Bishop, Coulston 1993, 110, fig. 61. О римских калигах в Херсонесе и его округе см. Doroshko 2012.

[14] Приведу пример обуви схожего покроя: детскую сандалию из Бордо (Coulon 1994, 70).

[15] Bishop, Coulston 1993, 119; James 2004, 59.

Рис. 1. Надгробия детей с птицами в руках. Херсонес: *1* – надгробие Аврелия Виатора (по: Zhuravlev 2002); *2* – надгробие Сабина. *ГМЗХТ. Номер по ГИК (КП): ХМ КП-3594. Фото Д.А. Костромичева*; *3* – безымянное надгробие. *ГМЗХТ. Номер по ГИК (КП): ХМ КП-4535. Фото К.В. Зыковой*

Более важное и недвусмысленное значение имеет изображение пояса (balteus, cingulum) на солдатских надгробиях и других изображениях военнослужащих[16]. В период империи были наиболее популярны два типа римских воинских портретных надгробий. Первый тип изображал солдат в полном вооружении. Второй тип демонстрировал солдат, одетых в подпоясанную тунику и плащ[17]. Именно пояс был атрибутом, безошибочно отличающим солдат от гражданских лиц, при этом изображение меча не было обязательным, хотя и было распространено. Примеры надгробных стел с изображением пояса и оружия многочисленны[18].

[16] Значение пояса как символа службы подчеркивается процедурой снятия пояса как знака окончания или отказа от службы. Об этом см. Woods 1993, 55–60.

[17] Speidel 2012, 1–4.

[18] Coulston 1987, 141–146; Bishop, Coulston 1993, 125, fig. 85; James 2004, 61, fig. 24, 25; Ďurianová 2011, 49–55; Papagianni 2013, 800.

В Херсонесе такими образцами могут служить надгробия Аврелия Сильвана и Марка Мецилия[19]. В отличие от перечисленных примеров портрет Аврелия Виатора лишен пояса. Это очень важный аргумент против возможного солдатского статуса Аврелия.

Конечно же, тесную связь Аврелия Виатора с римским гарнизоном города нельзя отрицать. Об этом красноречиво свидетельствуют его имя и язык эпитафии. Все латинские надписи в Херсонесе так или иначе связаны с римскими военнослужащими или с членами их семей. Именно по этой причине с большой вероятностью можно заключить, что отец Аврелия был военнослужащим или ветераном римской армии. Кроме того, есть данные о том, что участок некрополя у Южных городских стен, где была найдена стела, использовался в III в. н.э. для захоронений римских солдат и офицеров. В том же 1892 г. поблизости от места находки стелы были открыты две могилы военнослужащих[20].

В качестве одного из аргументов в пользу солдатского статуса Аврелия можно указать на примечательные детали портрета. Некоторые исследователи полагали, что на лице изображены усы[21], т.е. перед нами взрослый человек. Это мнение достаточно спорно. В целом портрет является ярким образцом так называемого провинциально-римского стиля. Плоскостной рельеф далек от реалистического изображения. Определенные детали портрета сложно интерпретировать однозначно. Так, по моему мнению, за изображение усов принимались носогубные складки, которые переданы двумя глубокими и резкими бороздами.

Бросается в глаза, что резчик снабдил фигуру непропорционально большой головой. На эту особенность обратили внимание многие исследователи памятника, описывая ее следующим образом: «несоразмерно короткая мужская фигура»[22]; «маленькая фигура умершего с ясно очерченным контуром и почти геометрически правильным построением совершенно непропорциональна»[23]; «изображение мужской фигуры... с грубым нарушением пропорций (непомерно большой головой и коротким туловищем)»[24], «укороченные пропорции тела»[25]. Искажение пропорций является нормой для изобразительного искусства позднеримского времени. Тем не менее такая деталь может быть неслучайна. Именно так, с несколько увеличенной головой, изображались в римском искусстве дети[26].

Один элемент изображения ранее не рассматривался в качестве аргумента в дискуссии о том, был ли солдатом Аврелий Виатор. Как представляется, окончательно решить вопрос интерпретации персонажа позволяет изображение предметов в его руках. В правой руке умерший держит птицу, в левой – какой-то крупный плод (виноград или шишку). Птица в руках Аврелия Виатора – это его домашнее животное: певчая птица или голубь. Домашние животные, и в частности

---

[19] Solomonik 1983, 58–61, № 31, 33.
[20] Doroshko, Zhuravlev 2018, 360, 361.
[21] Latyshev 1895, 16; Solomonik 1983, 68.
[22] Latyshev 1895, 16.
[23] Maksimova, Nalivkina 1955, 319, 320.
[24] Solomonik 1983, 68.
[25] Zubar' 2004, 466.
[26] Minten 2000–2001, 75.

птицы, были в античности понятным для современников символом детства. Подобно современным детям, росшие в римских городах мальчики и девочки держали питомцев и заботились о своих домашних любимцах. Такое занятие наряду с играми было любимым детским делом и важной стороной воспитания[27].

Этот атрибут детства стал символическим указанием возраста на изображениях еще в классической Греции. Надгробия, представляющие одиночную детскую фигуру, появились в Малой Азии и на Эгейских островах[28]. Наиболее известна стела, найденная на Паросе,– самое проникновенное и высокохудожественное изображение ребенка в античном искусстве[29] (рис. 2, *1*). Мотив изображения детей, держащих птиц, часто встречается на надгробиях в Аттике[30]. В эллинистическую эпоху этот тип надгробий продолжал пользоваться популярностью[31] (рис. 2, *2*).

Во времена Римской империи традиция распространилась по всем провинциям. Дж. Мандер произвел подсчеты применительно к большой выборке римских надгробий с изображением детей. На 174 надгробиях мы видим детей с домашними животными[32]. Известны детские надгробия с изображением умерших в сопровождении кроликов, собак и кошек[33]. Однако самым любимым персонажем была домашняя птица[34]. Применительно к эпохе Империи известно не менее 118 надгробий с детьми и птицами[35] (рис. 2, *3–5*). Та же традиция существовала на Ближнем Востоке. На погребальных рельефах Пальмиры дети часто изображались с птицами и виноградом в руках[36].

Примечательно, что греческая по своему происхождению традиция проникает в Херсонес во II–III вв. как часть провинциально-римской культуры при посредничестве военнослужащих римского гарнизона. В Херсонесе портрет Аврелия Виатора не единственный случай изображения ребенка с птицей. Известны еще два надгробия этой же серии. Одно из них – портретная мраморная вставка в надгробие с латинской надписью, сохранившаяся частично (рис. 1, *2*). На рельефе изображена птица в левой руке персонажа и круглый плод, поднесенный

---

[27] Bradley 1998, 539–545; Minten 2000–2001, 73, 74.

[28] Oakley 2003, 180.

[29] Oakley 2003, 180, 181; Beaumont 2003, 74, fig. 11.

[30] Grossman 2001, 12; no. 3; Neils, Oakley 2003, 307, 308; cat. no.125; Grossman 2013, 91–92; no. 42; Margariti 2017, V, IX, XI, cat. no. E6, E12, E15, E25, E26, E41, E68, E82, E88.

[31] Vorster 1983, 331, 332, 338, 339, 342, 348–350, 353, 356, 364, Taf. 12, *1–3*; 14, *2*; 16, *1–3*; 17, *3*; 18, *3*; 20, *2*; 23, *1*; Spiliopoulou-Donderer 1990; Grossman 2001, 69, 95, 96; no. 24, 35; Oakley 2003, 189; cat. no.126.

[32] Mander 2013, 37, tab. 5. Цифра получена не на основе всей выборки (881 экземпляр), а только с учетом достаточно хорошо сохранившихся надгробий, которые составляют более половины выборки.

[33] Vorster 1983, 360, 361, 371, 372, Taf. 18, *1*; 20, *1, 3*; 21, *1*; Huskinson 1996, pl. 10, *2*; Johns 2003, 54–60, fig. 1; Grossman 2001, 18–20; no. 5.

[34] Pfuhl, Möbius 1979, 510, 522, 523, 528, Kat. Nr. 2112, 2187–2192; Taf. 304, *2112*; 312, *2190–2192*; Wujewski 1991, 45, pl. 57; Ortiz 1993, no. 242; Coulon 1994, 99–105; Huskinson 1996, 39, pl. 1, *3*; Mesihović 2011, 50–52; Grossman 2013, 205, 207, no. 342, 347.

[35] Mander 2013, 37, fig. 19, 20, tab. 5.

[36] Parlasca 1990, 137, 142, Abb. 1, 16; Heyn 2010, 639, fig. 7; см. также рельефы из собрания Эрмитажа: инв. № ДВ-4176; ДВ-4177.

Рис. 2. Классические, эллинистические и римские надгробия детей с птицами: *1* – стела с о. Парос (по: Neils, Oakley 2003, 74, fig. 11); *2* – надгробие Аполлонии (по: Grossman 2001, 97, cat. 35); *3* – медальон П. Кассия Матерниана, Норик (по: Mander 2013, 34, fig. 18); *4* – надгробие Сабины из Аквинка, Паннония (по: Mander 2013, 7, fig. 2); *5* – Нагробие Алогия из Божи, Галлия (по: Coulon 1994, 101)

к клюву птицы, – в правой. Ниже выбита латинская надпись следующего содержания: «Богам Манам. ...Сабин, солдат..., сыну Сабину... поставил»[37]. Авторы свода скульптуры Херсонеса считали изображенного солдатом[38]. Из надписи следует, что солдатом был отец умершего, также носивший имя Сабин.

[37] *IOSPE* I^2 552; Solomonik 1983, № 32.
[38] Ivanova *et al.* 1976, 127, № 394.

Ситуация, когда и отец, и сын одновременно являлись солдатами, маловероятна. Гораздо более правдоподобно предположение, что младший Сабин был ребенком[39]. В этом убеждают не только текст надписи, но и уже знакомые атрибуты в его руках.

Второе анэпиграфное известняковое надгробие сохранилось полностью, но поверхность его сильно выветрилась[40] (рис. 1, *3*). Тем не менее характер портрета позволяет предполагать, что изображенный на нем человек еще весьма юн. В левой руке видна птица. В правой заметен предмет, который по аналогии с портретами Аврелия Виатора и Сабина можно считать плодом. Перечисленные надгробия датируются II–III вв. н.э. Все три изображения являются не символическими, а вполне реалистическими портретами подростков с животными, выполненными в той же манере. Эти птицы были домашними любимцами не успевших повзрослеть юных херсонеситов.

Примеры изображения детей вместе с домашними животными сохранили не только погребальные портреты. В краснофигурной росписи игры с животными – одно из обычных детских занятий[41]. В каменной скульптуре птицы и щенки, с которыми нередко изображались дети, известны в классическое, эллинистическое и римское время[42] (рис. 3, *3, 4*). Г.Д. Белов, публикуя мраморную статую Эрота с птицей из Херсонеса, указывает на большую группу мраморных статуэток в собрании Эрмитажа, изображающих мальчиков с птицами[43]. Для понимания значения подобных скульптур важную роль играют находки из святилища Марса в Трире. В надписях оттуда божество сопровождает эпиклеса Иовантукар (Mars Iovantucarus), т.е. «тот, кто любит молодежь». При раскопках святилища была найдена серия статуй мальчиков, держащих птиц (рис. 3, *1*). Эти скульптуры в святилище являлись посвящениями родителей по обету[44].

Торевтика также предоставляет примеры подобных изображений: ребенка из высших сословий представляет бронзовая статуя мальчика в тоге и с птицей в руке из Лувра[45] (рис. 3, *2*); бронзовая фигура Эрота, держащего гроздь винограда и птицу, украшала колесницу из Мавретании[46]; в музее Метрополитен хранится статуэтка девочки, играющей со щенком[47].

На погребальных стелах присутствуют сцены различных детских игр[48]. Наиболее разнообразны сцены игр на серии детских саркофагов из различных музеев Европы.

---

[39] Solomonik 1983, 60.

[40] Ivanova *et al.* 1976, 117, № 364, илл. 146.

[41] Hoorn 1951, 46–49, cat. no. 91, 190, 235, 278, 288, 320–363, 504, 536; Neils, Oakley 2003, 280–285, cat. no. 91–95.

[42] Havé-Nikolaus 1998, 179–181, Kat. Nr. 48, Taf. 1, 2; Beaumont 2003, 77–79, fig. 14, 15, 17; Häuber 2014, 585, 586, fig. 99.

[43] Belov 1959, 22, 23, рис. 8.

[44] Faust, Kuhnen 1996, 186–188, Kat. Nr. 33a–b; Derks 2008, 194.

[45] Derks 2008, 198, fig. 4.

[46] Boube-Piccot 1980, 283, n°. 494.

[47] Richter 1915, 160, 161, fig. 375.

[48] Coulon 1994, 100; Colling 2011, 166–168, ill. 7.

Рис. 3. Изображения детей с птицами: статуи и терракотовые статуэтки: *1* – статуя мальчика из святилища Марса в Трире (по: Derks 2008, fig. 3); *2* – бронзовая статуя мальчика в тоге. Лувр (по: Derks 2008, fig. 4); *3* – статуя девочки из Мюнхенской глиптотеки (по: Vorster 1983, Taf. 12, *1*); *4* – статуя девочки из Рима (по: Häuber 2014, 468, fig. 99); *5* – терракотовая статуэтка девочки из Херсонеса (по: Shevchenko 2016, таб. CXV, *751*); *6* – терракотовая статуэтка мальчика из насыпи некрополя Совхоз 10 (по: Shevchenko 2016, таб. LXX, *445*)

Среди сюжетов – игра с орехами, чехарда, катание обруча и др.[49] Этим занятиям предаются дети младшего возраста, портреты подростков же чаще всего сопровождаются

[49] Huskinson 1996, 16, 17.

изображениями домашних животных. Дж. Хаскинсон отмечает, что одно из объяснений этому – символическое указание на локализацию портрета в домашней, частной обстановке. При этом некоторые изображения вполне реалистичны[50].

Много примеров изображений детей в сопровождении домашних животных дает коропластика. Некоторые терракотовые статуэтки, очевидно, являлись более дешевыми вариантами подношений, копирующими каменные и бронзовые статуи. В этом качестве терракоты, изображающие детей с птицами в руках, могли использоваться как дары родителей в качестве благодарности за божественную защиту в святилищах богов – покровителей детства[51].

Терракотовые изображения детей с птицами и животными появляются в Северном Причерноморье не ранее середины II в. до н.э.[52] В некрополе Кеп на Боспоре, в погребении 3 кургана 17 было найдено 19 терракот, среди которых есть изображения мальчика с гусем, мальчика с ланью и девочки с собакой. Погребение датируется серединой – концом II в. до н.э.[53] Боспорские статуэтки с изображением детей и собак, а также детей и гусей собраны в работе А.А. Завойкина[54]. В контексте погребений, а также святилищ подобные жанровые терракоты часто трактуются как изображения богов в младенческом или юношеском возрасте в сопровождении животных, обладающих символической сущностью (чаще всего хтонической)[55]. Такой вывод трудно оспаривать, когда терракоты происходят из погребений, где каждый предмет погребального инвентаря так или иначе связан с представлениями о загробном мире. Но все же обратим внимание на то, что сюжеты терракот с детьми, которые играют с животными или кормят их, подсказывала сама жизнь[56]. Несомненно, какая-то часть фигурок детей в сопровождении домашних питомцев представляют именно людей, а не богов.

В Херсонесе можно отыскать примеры подобных терракотовых статуэток. Фигурка маленькой девочки, держащей птицу и гроздь винограда, была найдена в склепе 1013[57] (рис. 3, *5*). Еще одна целая статуэтка, показывающая мальчика с птицей (рис. 3, *6*), была найдена в насыпи некрополя Совхоз 10 в ближней округе Херсонеса[58]. Несколько фрагментированных терракот из Херсонеса также могли изображать детей, но утверждать это определенно мешает их неполная сохранность[59].

Приведенные примеры изображений детей с птицами не оставляют сомнений в том, что на портретном надгробии Аврелия Виатора изображен ребенок, вероятнее всего, подросток. В связи с этим возникает вопрос, почему же его одежда так похожа на солдатскую. Ответ можно найти, если принять во внимание традицию,

---

[50] Huskinson 1996, 88, cat. no. 1, *46, 47, 49*; 5, *15*; 8, *22, 26*; 9, *43*.
[51] Derks 2008, 200, fig. 6.
[52] Nikolaeva 1974, табл. 11, *1, 3*; Zhuravlev *et al.* 2006, 37.
[53] Usacheva 1983, 80, рис. 2, 11–13, 15; Zhuravlev, *et al.* 2006, 28, 35, 36, рис. 15, *1–3*.
[54] Zavoykin 2006.
[55] Zavoykin 2006, 160, 161.
[56] Многие терракоты явно изображают жанровые сцены. Например, дети наблюдают за петушиными боями: Neils, Oakley 2003, 282, cat. no. 94.
[57] Shevchenko 2016, 120, кат. № 751.
[58] Strzheletskiy *et al.* 2003–2004, 175, рис. 33, Shevchenko 2016, 80, кат. № 445.
[59] Shevchenko 2016, 59, 104, 136, 137, кат. № 286, 287, 633, 878.

достаточно широко распространенную в римской армейской среде. Одиночный портрет был не единственным типом надгробного рельефа, часто на памятнике было представлено множество родственников. На многих надгробиях вместе с детьми изображали отцов. На таких надгробиях многочисленны примеры изображения сыновей с одеждой, прической и чертами лица, повторяющими облик отцов. Дж. Мандер приводит в качестве иллюстрации такой традиции надгробие Аврелия Бита, трубача II Вспомогательного легиона, найденное в Аквинке. Памятник воздвигла Аврелия Квинтилила своему мужу, погибшему в бою, а также сыну Виталину, который прожил 4 года 11 месяцев и 18 дней. На памятнике рядом с отцом показан Виталин. Изображение сына идентично фигуре Аврелия Бита в таких деталях, как лицо, прическа, поза и военная одежда[60].

Одежда солдатских сыновей подражала внешнему облику отцов не только в изобразительном искусстве, но и в реальной жизни. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить знаменитое объяснение прозвища Гая Цезаря, приводимое Светонием в его жизнеописании (*Cal.* 9): «Прозвищем “Калигула” он обязан лагерной шутке, потому что подрастал он среди воинов, в одежде рядового солдата» (пер. М.Л. Гаспарова). Солдатский облик Аврелия Виатора является примером распространения подобных традиций в околоармейской среде. Наверняка юношу ждала военная карьера и погребальный портрет передает образ, который хотел запечатлеть отец солдата: ребенок из обеспеченной семьи, выделяющийся своей одеждой на фоне рядовых греков-херсонеситов, идущий по стопам отца, будущий солдат. Такая интерпретация позволяет объяснить даже возможное наличие усов на портрете.

Небезынтересно также рассмотреть вопрос, являлась ли птица в руках Аврелия Виатора изображением его действительного питомца или символом, указывающим на возраст ребенка. На мой взгляд, степень символизма изображений на портретных надгробиях Херсонеса не стоит преувеличивать. В определенном смысле, конечно же, и само надгробие, и изображенные на нем сюжеты символичны, но если мы имеем дело с портретом, то этот символизм вряд ли следует рассматривать глубже, чем замену подлинного образа или предмета художественным его воплощением. Идее поиска глубокого символизма в портретах детей с птицами, клюющими плод, прямо противоречит то, что нам неизвестны такие портреты взрослых людей. Если бы птица понималась как символ души[61] или приобщения к какому-то духовному знанию[62], то было бы невозможно объяснить, почему птицы фигурируют только в изображениях детей. Нельзя всерьез предполагать, что взрослые воспринимались как бездуховные существа или что душа взрослых принимала какую-то другую (не птичью) форму.

Показательной аналогией степени символизма трех детских портретных надгробий с птицами является хорошо известная группа погребальных стел IV–III вв. до н.э. из того же Херсонеса. На них помимо имен лаконично изображены символы, указывающие на гендерную и возрастную принадлежность погребенных. Так, посохи ясно указывают на преклонный возраст погребенных, мечи на портупеях указывают на граждан-воинов в расцвете жизненных сил, стригили и сосуды для масла

[60] Mander 2013, 99, fig. 84, cat. no. 678.
[61] Ср. Oakley 2003, 180, 181; Margariti 2017, XI, n. 52.
[62] Wujewski 1991, 45, 50.

принадлежат юношам, занимающимся гимнастическими упражнениями и готовящимся ко взрослой жизни[63]. Посохи, мечи и стригили символичны ровно в той же степени, что и домашние питомцы Аврелия Виатора и Сабина – они образно указывают на типичное занятие человека в определенном возрасте[64], т.е. призваны подчеркнуть социальную позицию погребенного.

Как уже говорилось, птица в руках не была единственным вариантом домашнего животного при изображении ребенка. Портреты детей с собаками, кроликами, кошками и лошадьми также были распространены в римских провинциях. Разнообразие животных[65] указывает на то, что строгого канона изображения не существовало и выбор животного, вероятно, зависел от предпочтений самого ребенка. С этой точки зрения, для заказчиков надгробий важным было указание на какого-либо домашнего питомца, а выбор конкретного животного имел не столь принципиальное значение. Если эти рассуждения верны, то перед нами прямое отражение предпочтений юного населения римских городов. Судя по особой популярности детских портретов в сопровождении птиц, именно содержанию пернатых питомцев дети уделяли наибольшее внимание.

В.И. Кадеев следующим образом характеризует повседневные детские занятия в городе: «Вероятно, маленькие херсонеситы ездили верхом на палочке, играли в жмурки и с животными, гоняли обруч подобно своим сверстникам из других древнегреческих городов, но, к сожалению, непосредственных свидетельств этому мы не имеем»[66]. Полагаю, что три детских погребальных портрета, рассмотренных в данной статье, вполне можно считать такими свидетельствами. То, что теоретически было известно о занятиях детей в Херсонесе, обретает теперь форму фактов, обоснованных доказательствами: на улицах и во дворах домов Херсонеса дети играли со своими питомцами, в детских комнатах стояли клетки с певчими птицами, а облик города над крышами домов дополняли голубятни.

Литература / References

Beaumont, L.A. 2003: The changing face of childhood. In: J. Neils, J.H. Oakley (eds.), *Coming of Age in Ancient Greece: Images of Childhood from the Classical Past*. New Haven–London, 59–83.

Belov, G.D. 1959: [Report on the excavations in Chersonese in 1955]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesus Collected Articles*] 5, 13–69.

Белов, Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. *Херсонесский сборник* 5, 13–69.

Bishop, M.C., Coulston, J.C.N. 1993: *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. London.

Boube-Piccot, Chr. 1980: *Les bronzes antiques du Maroc*. III: *Les chars et l'attelage*. Rabat.

Bradley, K. 1998: The sentimental education of the Roman child: the role of pet-keeping. *Latomus* 57/3, 523–557.

---

[63] Danilenko 1969, 39–42, рис. 18, 19; Posamentir 2011, 147–149.

[64] Sokolov 2000, 320, 371.

[65] Обзор античных письменных источников, упоминающих разнообразных питомцев юных горожан, см. Bradley 1998, 525–527. В частности, дети держали галок (monerulae), уток (anites), перепелок (coturnices), щеглов (cardeles), скворцов (sturnus), соловьев (lusciniae), кур (pulli gallini), голубей (columbae) и воробьев (passeres).

[66] Kadeev 1996, 113.

Chubova, A.P., Kolesnikova, L.G., Fedorov, B.N. 2008: *Arkhitektura i iskusstvo Khersonesa Tavricheskogo. V v. do n.e.– IV v. n.e.* [*Architecture and Art of Tauric Chersonese. 5th Cent. BC – 4th Cent. AD*]. Moscow.

Чубова, А.П., Колесникова, Л.Г., Федоров, Б.Н. *Архитектура и искусство Херсонеса Таврического. V в. до н.э. – IV в. н.э.* М.

Colling, D. 2011: Les scènes de banquet funéraire ou Totenmahlreliefs originaires d'Arlon. *Bulletin trimestriel de l'Institut Archéologique du Luxembourg* 87/4, 155–176.

Coulon, G. 1994: *L'Enfant en Gaule romaine*. Paris.

Coulston, J.C. 1987: Roman military equipment on third century tombstones. In: M. Dowson (ed.), *Roman Military Equipment: The Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Seminar, Nottingham 1985.* Oxford, 141–156.

Danilenko, V.N. 1969: [Grave steles]. *Soobshcheniya Khersonesskogo muzeya* [*Reports of The Chersonese Museum*] 4, 29–44.

Даниленко, В.Н. Надгробные стелы. *Сообщения Херсонесского музея* 4, 29–44.

Derks, T. 2008: Les rites de passage et leur manifestation matérielle dans les sanctuaires des Trévires. In: D. Castella, M.-F. Meylan Krause (eds.), *Topographie sacrée et rituels: Le cas d'Aventicum, capitale des Helvètes. Actes du colloque international d'Avenches, 2–4 novembre 2006.* Basel, 191–204.

Doroshko, V.V. 2012: [Roman military footwear from the excavations of Chersonese and its surroundings]. In: D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (eds.), *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [*Eurasia in the Scythian and Sarmatian Time. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina*]. Moscow, 100–113.

Дорошко, В.В. Римская военная обувь из раскопок Херсонеса и его округи. В сб.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной*. (Труды ГИМ, 191). М., 100–113.

Doroshko, V.V., Zhuravlev, D.V. 2018: [Two graves of Roman soldiers from the necropolis of Chersonesos Taurica]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/2, 349–364.

Дорошко, В.В., Журавлев, Д.В. Два погребения римских военнослужащих из некрополя Херсонеса Таврического. *ВДИ* 78/2, 349–364.

Ďurianová, A. 2011: Darstellungen von Soldaten und militärischen Dienern auf pannonischen Steindenkmälern. In: M. Verčik (ed.), *Rüstung und Waffen in der Antike*. Trnava, 35–69.

Faust, S., Kuhnen, H.-P. 1996: *Religio Romana: Wege zu den Göttern im antiken Trier*. Trier.

Grossman, J.B. 2001: *Greek Funerary Sculpture: Catalogue of the Collections at the Getty Villa*. Los Angeles.

Grossman, J.B. 2013: *Funerary Sculpture*. (The Athenian Agora, 35). Princeton.

Häuber, C. 2014: *The Eastern Part of the Mons Oppius in Rome: The Sanctuary of Isis et Serapis in Regio III, the Temples of Minerva Medica, Fortuna Virgo and Dea Syria, and the Horti of Maecenas*. Roma.

Havé-Nikolaus, F. 1998: *Untersuchungen zu den kaiserzeitlichen Togastatuen griechischer Provenienz. Kaiserliche und private Togati der Provinzen Achaia, Creta (et Cyrene) und Teilen der Provinz Macedonia*. Mainz am Rhein.

Heyn, M.K. 2010: Gesture and identity in the funerary art of Palmyra. *American Journal of Archaeology* 114/4, 631–661.

Hoorn, G. van. 1951: *Choes and Anthesteria*. Leiden.

Hoss, S. 2012: The Roman military belt. In: M.-L. Nosch (ed.), *Wearing the Cloak: Dressing the Soldier in Roman Times*. Oxford–Oakville, 29–44.

Huskinson, J. 1996: *Roman Children's Sarcophagi: Their Decoration and Its Social Significance*. Oxford.

Ivanova, A.P., Chubova, A.P., Kolesnikova, L.G. 1976: *Antichnaya skul'ptura Khersonesa: Katalog* [*Antique Sculpture of Chersonese: Catalog*]. Kiev.

Иванова, А.П., Чубова, А.П., Колесникова, Л.Г. *Античная скульптура Херсонеса: Каталог*. Киев.

James, S. 2004: *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armour and Other Military Equipment*. London.

Johns, C. 2003: The tombstone of Laetus' daughter: cats in Gallo-Roman sculpture. *Britannia* 34, 53–63.

Kadeev, V.I. 1996: *Khersones Tavricheskiy. Byt i kul'tura (I–III vv. n.e.)* [*Tauric Chersonese. Way of Life and Culture (I–III Cent. AD)*]. Khar'kov.

Кадеев, В.И. *Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.)*. Харьков.

Kostromichev, D.A. 2016: [Was Aurelius Viator a soldier? One aspect of children's subculture in Chersonese]. In: *Uvarovskie Tavricheskie chteniya «Drevnosti Yuga Rossii». Tezisy dokladov i soobshcheniy*

Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [*Uvarov Taurida Readings "Antiquities of South Russia". Abstracts and Reports of the International Scientific Conference*]. Sevastopol', 27–29.

Костромичев, Д.А. Был ли солдатом Аврелий Виатор? Один аспект детской субкультуры Херсонеса. В сб.: *Уваровские Таврические чтения «Древности Юга России». Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции*. Севастополь, 27–29.

Kosciuszko-Walużynicz, K.K. 1894: [Enumeration of antiquities found in 1892 in a burial ground near the southern city wall of Chersonese]. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1892 g.* [*Report of Imperial Archaeological Commission for 1892*], 101–123.

Косцюшко-Валюжинич, К.К. Перечень древностей, найденных в 1892 году в могильнике у южной городской стены Херсонеса. *ОАК за 1892 г.*, 101–123.

Latyshev, V.V. 1895: *Grecheskie i latinskie nadpisi, naydennye v yuzhnoy Rossii v 1892–1894 gg.* [*Greek and Latin Inscriptions Found in Southern Russia in 1892–1894*]. Saint Petersburg.

Латышев В.В. *Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 гг.* (МАР, 17). СПб.

Maksimova, M.I., Nalivkina, M.A. 1955: [Sculpture]. In: V.F. Gaydukevich, M.I. Maksimova (eds.), *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya: ocherki istorii i kul'tury* [*Ancient Cities of the Northern Black Sea Region: Essays on History and Culture*]. Moscow–Leningrad, 297–324.

Максимова, М.И., Наливкина, М.А. Скульптура. В сб.: В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (ред.), *Античные города Северного Причерноморья: очерки истории и культуры*. М.– Л., 297–324.

Mander, J. 2013: *Portraits of Children on Roman Funerary Monuments*. Cambridge.

Margariti, K. 2017: *The Death of the Maiden in Classical Athens*. Oxford.

Mesihović, S. 2011: *Antiqvi homines Bosnae*. Sarajevo.

Minten, E. 2000–2001: Roman children and their pets: a socio-iconographical survey. *Opuscula Romana* 25–26, 73–77.

Neils, J., Oakley, J.H. 2003: *Coming of Age in Ancient Greece: Images of Childhood from the Classical Past*. New Haven–London.

Nikolaeva, E. Ya. 1974: [Terracotta from the city of Kepoi]. In: M.M. Kobylina (ed.), *Terrakotovye statuetki*. Ch. 4: *Pridon'e i Tamanskiy poluostrov* [*Terracotta Figurines*. Pt. 4: *Don Region and Taman Peninsula*]. Moscow, 13–15.

Николаева, Э.Я. Терракоты города Кеп. В сб.: М.М. Кобылина (ред.), *Терракотовые статуэтки*. Ч. 4: *Придонье и Таманский полуостров*. (САИ, Г1–11). Москва, 13–15.

Oakley, J.H. 2003: Death and the child. In: J. Neils, J.H. Oakley (eds.), *Coming of Age in Ancient Greece: Images of Childhood from the Classical Past*. New Haven–London, 163–194.

Ortiz, G. 1993: *The George Ortiz Collection. Antiquities from Ur to Byzantium*. Berne.

Paetz gen. Schieck, A., 2012: A late Roman painting of an Egyptian officer and the layers of its perception. On the relation between images and textile finds. In: M.-L. Nosch (ed.), *Wearing the Cloak: Dressing the Soldier in Roman Times*. Oxford–Oakville, 85–108.

Papagianni, E. 2013: Grabreliefs römischer Soldaten aus Griechenland: Beobachtungen zu ihrer Typologie und Ikonographie. In: N. Cambi, G. Koch (eds.), *Funerary Sculpture of the Western Illyricum and Neighbouring Regions of the Roman Empire: Proceedings of the International Scholarly Conference held in Split from September 27th to the 30th 2009*. Split, 795–814.

Parlasca, K. 1990: Palmyrenische Skulpturen in Museen an der amerikanischen Westküste. In: M. True, G. Koch (eds.), *Roman Funerary Monuments in the J. Paul Getty Museum*. Vol. 1. Malibu, 133–144.

Pfuhl, E., Möbius, H. 1979: *Die ostgriechischen Grabreliefs*. Textband 2. Mainz.

Posamentir, R. 2011: *The Polychrome Grave Stelai from the Early Hellenistic Necropolis*. (Chersonesan Studies, 1). Austin.

Richter, G.M.A. 1915: *Greek, Etruscan and Roman Bronzes*. New York.

Sander, E. 1963: Die Kleidung des römischen Soldaten. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 12, 144–166.

Shevchenko, A.V. 2016: *Terrakoty antichnogo Khersonesa i ego blizhney sel'skoy okrugi* [*Terracotta of Ancient Chersonese and Its Near Rural Neighborhood*]. Simferopol'.

Шевченко, А.В. *Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи*. Симферополь.

Sokolov, G.I. 2000: *Ol'viya i Khersones (ionicheskoe i doricheskoe iskusstvo)* [*Olbia and Chersonese (Ionic and Doric Art)*]. Moscow.

Соколов, Г.И. *Ольвия и Херсонес (ионическое и дорическое искусство)*. М.

Solomonik, E.I. 1983: *Latinskie nadpisi Khersonesa Tavricheskogo* [*Latin Inscriptions of Tauric Chersonese*]. Moscow.
Соломоник, Э.И. *Латинские надписи Херсонеса Таврического*. М.

Spiliopoulou-Donderer, I. 1990: Das Grabrelief der Apollonia im J. Paul Getty Museum. In: M. True, G. Koch (eds.), *Roman Funerary Monuments in the J. Paul Getty Museum*. Vol. 1. Malibu, 5–14.

Speidel, M. 2012: Dressed for the occasion. clothes and context in the Roman army. In: M.-L. Nosch (ed.), *Wearing the Cloak: Dressing the Soldier in Roman Times*. Oxford–Oakville, 1–12.

Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.Yu., Zhestkova, G.I. 2003–2004: [The population in the neighborhood of Chersonesos Tauricus in the first half of the first millennium AD (by materials of the necropolis "Sovkhoz No. 10")]. *Stratum plus* 4, 27–277.
Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.Ю., Жесткова, Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»). *Stratum plus* 4, 27–277.

Usacheva, O.N. 1983: [Terracotta figurines from the burial mound near Kepoi]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 174, 77–82.
Усачева, О.Н. Терракотовые статуэтки из кургана близ Кеп. *КСИА* 174, 77–82.

Vorster, C. 1983: *Griechische Kinderstatuen*. Köln.

Woods, D. 1993: The ownership and disposal of military equipment in the late Roman army. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 4, 55–65.

Wujewski, T. 1991: *Anatolian Sepulchral Stelae in Roman Times*. Poznan.

Zavoykin, A.A. 2006: [Two subjects in the terracotta complex at the sanctuary of Eleusinian goddesses (Beregovoi 4)]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya* [*Northern Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages*]. Moscow, 158–168.
Завойкин, А.А. Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4). В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. (Труды ГИМ, 159). М., 158–168.

Zhuravlev, D.V. 1997: [Collections from Chersonese in the State Historical Museum]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 194–207.
Журавлев, Д.В. Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного исторического музея. *ВДИ* 3, 194–207.

Zhuravlev, D.V. (ed.) 2002: *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo* [*On the Edge of Ecumene. Greeks and Barbarians on the Northern Coast of the Pontus Euxinus*]. Moscow.
Журавлев, Д.В. (ред.), *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского*. М.

Zhuravlev, D.V., Il'ina, T.A., Lomtadze, G.A., Sudarev, N.I. 2006: [Materials from burial mound of Kepoi necropolis: a burial mound 17 (18)]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya* [*Northern Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages*]. Moscow, 12–46.
Журавлев, Д.В., Ильина, Т.А., Ломтадзе, Г.А., Сударев, Н.И. Материалы курганного некрополя Кеп: курган 17 (18). В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. (Труды ГИМ, 159). М., 12–46.

Zubar', V.M. 1994: *Khersones Tavricheskiy i Rimskaya imperiya. Ocherki voenno-politicheskoy istorii* [*Tauric Chersonese and Roman Empire. Essays on Military and Political History*]. Kiev.
Зубарь, В.М. *Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории*. Киев.

Zubar', V.M. *et al.* (eds.) 2004: *Khersones Tavricheskiy v seredine I v. do n.e. – VI v. n.e. Ocherki istorii i kul'tury* [*Tauric Chersonese in the Middle of the Ist Cent. BC – 6th Cent. AD. Essays on History and Culture*]. Kharkov.
Зубарь, В.М. (отв. ред.) и др. *Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры*. Харьков.